

Виталий Мамай

Элиев МОСТ

None

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS

TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

Виталий Мамай

Элиев мост

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мамай В.

Элиев мост / В. Мамай — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Виталий Заиченко (Виталий Мамай) родился в 1971 году в Кременчуге (Украина). С 1998 года живет в Израиле. Журналист, переводчик, автор двух сборников стихов. В этот поэтический сборник вошли произведения 2014—2017 годов, а также несколько более ранних текстов.

Содержание

Из итальянского этюдника. Элиев мост	5
Из итальянского этюдника. Виа деи Фори Имперали	6
Из итальянского этюдника. Пинакотека Ватикана, Преображение	7
Из итальянского этюдника. Пьяцца дель Дуомо	8
Из итальянского этюдника. Виа Чипро	9
Из итальянского этюдника. Пьяцца Сан-Иньяцио	10
Из итальянского этюдника. Виа Пор Санта Мария	11
Из итальянского этюдника. Ларго ди Торре Арджентина	12
Из итальянского этюдника. Викколо Спада Д'Орландо	14
Из итальянского этюдника. Кампо деи Фиори	15
Из итальянского этюдника. Трастевере	16
Из итальянского этюдника. Виа Аппиа Нуова	17
Urbi et orbi	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Из итальянского этюдника. Элиев мост

Если в чем-то этот кудрявый и был мастак,
то в искусстве увековечить себя. В мостах,
храмах, портиках; бани и мавзолея
не стыдись, не чурайсь и не жалея...
Ни слова, ни деяния Клио столь бережно не хранит,
как отесанный мрамор, порфир, травертин, гранит.
Как же надо с тщеславием породниться!
Мост во имя его к его же ведет гробнице,
и без счета статуй в любом конце известного Риму мира,
от низовий Нила до Нима или Измира.
Славословия сгинут со временем, хоть миллионоусты,
но не тронут века пентелийского камня бюсты...
Лето в городе. Тело моста достигает температуры плоти
у живых, цвет воды в реке скорее подходит воде в болоте,
вековые пинии ветви к немym небесам воздели,
оттеня массивность и пасмурность цитадели,
солнце грузно зависло над башнею, над стеной...
Император, солнце... Не так ли звал его Антиной,
отсылая вождей из покоев, писцов, ученых...
Ах, смазлив, как же был он смазлив, гречонок!
И делить с ним ложе – совсем не признак дурного тона,
все равно как чертить купола, увлеченно читать Платона,
ведь Гераклу, и Зевсу, и Аполлону века простили
прегрешения и причуды похуже педерастии...
Лето в городе. Выси чисты, кристальны
над деревьями, крышами, над крестами.
Здесь всегда так было, от Тинторетто до Тинто Брасса —
безразличны страсти и возраст, и пол, и раса,
страсть сметает все на своем пути,
ни обломков, ни памяти не найти,
если кто-то о ней не заботился так же рьяно,
в духе Публия Элия Адриана.

Из итальянского этюдника. Виа деи Фори Имперiali

Думал ли ты, Бенито, глядя на то, как чеканят шаг
роты молодцеватых савойцев твоих по Фори,
о сорок третьем, морозах, гангренах, окопных вшах,
о ломбардийцах, polegших в каких-нибудь винницких камышах...
Знать бы, как все же переключается свет в историческом светофоре —
сколько экспериментов заканчивалось бы на мышах...
Свойство империи – сильная, яркая, жаркая, но одна
жизнь. Эпоха завоеваний, побед, открытий.
Сила империи, впрочем, однажды исчерпывается до дна,
нижняя часть айсберга даже историографам не видна,
бодрый завоеватель становится жертвой вчерашней прыти...
И от империи остается больше архитектурная сторона.
Вот ведь и ты, Бенито, был нетерпим, своеволен, груб,
выбрался из низов как-то тихо, наскоро и внезапно,
вдруг возомнил себя богом, взялся гальванизировать труп,
мертвое тело империи, в блеске кокард, орденов и труб...
Но потерпел фиаско. Собственно, всякий гальванизатор
мнит, будто держит он девку-историю твердой рукой за круп...
Девка же норовиста и неподатлива... В нынешнем Риме на
Фори Имперiali к вечеру тени длинные, неподвижны, ломки...
В бронзе король-собиратель, два сапога в стремяна.
Статуи императоров. В мраморе титулы, имена...
Только тебя, Бенито, подвесили за ноги к балкам бензоколонки...
Дьявольски символично в наши-то времена.

Из итальянского этюдника. Пинакотека Ватикана, Преображение

И вечерние тени в углах не легли пока
в доме, где ни прислуги, ни няньки, ни плоского потолка,
только ангельский сонм, часовые особенного полка
при отделе искусств небесной канцелярии...
А ему тридцать семь, и он уже полубог,
по сравнению с ним природа – мазня, лубок.
Только вот Маргерита... Он видит ее лобок,
и его начинает трясти, как в приступе малярии...
При дворе тихо шепчутся... Выжил-де из ума,
он таскает ее за собою во все дома,
а она ничто из себя сама,
да тайком греховодит с учениками.
Он приводит ее даже в ризницу или в неф,
и священники смотрят, от злости окаменев,
только папа вечно сменяет на милость гнев,
потому что сердце даже в парче не камень.
Но в июльские ночи, когда затихает Рим,
только ангел все видит, безмолвен, да и незрим,
он давно насмотрелся на ветреных форнарин*,
но не может вмешаться, будучи подневолен.
Если блуд создает божественные холсты,
если мир, изумленно глядя на них, застыл,
провидению грешник любой постыл,
посему дом и гулок, и пуст, а маэстро болен...
На рассвете она вернется, как было уже не раз,
от расспросов уйдет, бросив пару ничтожных фраз...
И писать бы с нее мадонн, как он был горазд,
но в груди разгорается ревность... Одним движеньем
он пытается сдернуть с нее покров,
только поздно, он слишком уж нездоров...
И бесстрастный ангел вмиг оставляет кров,
возвращаясь к центральному персонажу «Преображенья»...

**La fornarina (ит.) булочница*

Из итальянского этюдника. Пьяцца дель Дуомо

Для меня художник есть Богу ровня.
Им не зря не отпущена и жаровня
в столь любовно описанном пекле Дантом.
Этим гаерам, бабникам ли, педантам,
мастерам отрезать по пьянке ухо,
как отборному войску Святого духа
суждено творить среди нас веками
чудеса в холсте, акварели, камне...
Тот, кто купол Дуомо над нами поднял,
духом был не слабее перста Господня.
Данный культ не повсюду, однако, развит,
потому во Флоренции только разве
видишь лики художников на соборе,
и, нет-нет, да подумаешь о заборе,
возведенном с намереньями благими
бюрократами веры... Приди, Вергилий,
проведи их всеми, старик, кругами,
поясни, что художник не моногамен,
что нечасто молится и постится,
но он гений, а гению все простится
за «Преображенье», «Мадонну в гроте»,
за сикстинские фрески Буонаротти —
буйство красок и жизни — да в той капелле,
где творцу одному лишь осанну пели
и молились... Велик, всемогущ Йегова,
но капелла — создание творца другого,
сгустка крови и плоти, любви и боли.
А Господь лишь соавтор его, не боле.
И, хвалу вознося одному ль, другому,
век стоять бы на площади дель Дуомо...
Преходящи страны, цари, режимы,
остается гений непостижимый,
бесконечный, вечный. Он стоит мессы.
Да, Флоренция — именно это место,
где на залитой солнцем старинной пьяцце
нужно гению истинно поклоняться,
и порыв этот искренен, светел, истов
и у самых отъявленных атеистов.

Из итальянского этюдника. Виа Чипро

...И последний поезд метро прибывает на полусонную виа Чипро,
и усталость не только в глазах, но и в сенсорах, в микрочипах...
Мы выходим на теплый полночный асфальт... Наши тени, мы ли...
И возвышенный дух вдруг нисходит к потребностям тела. К примеру, в мыле.
Вечный город, но вовсе не круглосуточный в этом плане,
бог ночных супермаркетов не простирает над нами длани.
Видно, что-то не так у него пошло в итальянском главке,
и ночная торговля сиротски ютится в индусской лавке.
В ней так грязно, что даже добрейшая миссис Хадсон
начала бы с порога и материться, и чертыхаться.
Всюду банки, коробки, какие-то сальные занавески...
Даже пахнет здесь как-то особенно. По-советски.
Как случается часто во храмах торговли южной,
на глаза попадает все, кроме вещи нужной.
И на поиски мыла могли бы уйти недели...
А ведь здесь три квартала до Ватикана, а не Нью-Дели.
Впрочем, видя, что с методом Холмса у нас паршиво,
в полумраке у кассы встает, оживает Шива,
выясняет, в чем дело, и тут же таинственно-молчаливо
извлекает из свалки флакончик заветного «Палмолива»,
оставляя нас без трех евро, в тени вопроса,
что же делать с Адамом Смитом, с законом спроса,
и каким же макарон означенный далай-лама
выживает в капитализме с горою хлама...
...Вот и улица. Воздух целебен. За вдохом выдох.
Появляются мысли о собственных неликвидах
в голове... И решаешь оставить как есть, в беспорядке милон...
Кто их знает... Вдруг кто-то зайдет? За мылом?

Из итальянского этюдника. Пьяцца Сан-Иньяцио

...Мрамора столько, что ты цепенеешь вдруг,
рядом с японцами, в центре одной из piazz,
думая о миллионах голов и рук,
строивших этот город в дожди, в жару,
в войны и эпидемии... Ты, паяц,
не отесавший и камня за столько лет,
не завершивший даже простой чертеж,
и не сжимавший в складках плаща стилет,
просто явился, просто купил билет.
Просто стоишь и смотришь. Чего-то ждешь.
Ангела? Озарения? Ночи? Дня?
Это не город, это прорыв плотин,
пляска святого Неронового огня,
жаркие бедра кудрявых шальных латин,
перерожденные в мрамор и травертин...
Смерть победима. Истлели века назад
кости, но их фонтаны полны монет,
музыка льется, заката лучи скользят,
глядят скульптурный и каменно-крепкий зад,
кто-то читает Тассо... И смерти нет.

Из итальянского этюдника. Виа Пор Санта Мария

*«...Смерть – это всегда вторая
Флоренция с архитектурой рая».*

Иосиф Бродский

В августе это уже не улица, но река,
чьё течение переменчиво и капризно.
И брусчатка натерта до блеска, а это признак
того, что река течет в данном русле уже века.
Очень просто напиться Флоренцией до положения риз, но
на виа пор Санта Мария не упадешь, ибо нет островка.
Воды этой реки состоят из нашествия в полный рост
разномастных людей в одиночку, и группами, и попарно.
То есть, братия шумно и весело пересекает Арно,
непрерывным потоком вливаясь на Старый мост...
(Если для вас пересечение реки рекой – это пошло и высокопарно,
значит, ваш взгляд на поэзию и Флоренцию слишком прост).
Временами людская река мелеет. Где-нибудь в ноябре
на берегах проявляются здания. В полночь на виа деи
Терме семенит, говорят, трясая остатком седой кудели,
беспокойный призрак Иосифа... Сущий бред,
но таков этот город, где гении и злодеи
вместе с архитектурой составляют немислимое амбре...
...И с учетом того, что жизнь предлагает нам
подлинников все меньше, все больше фикций...
Тем ценнее становится третий этаж Уффици...
Если просто глядеть из углового, западного окна,
видом оным, как было замечено, очень легко упиться
и поверить, что мир совершенен в любые и всякие времена...

Из итальянского этюдника. Ларго ди Торре Арджентина

...Рим в передозе может надоесть.
Дома в один сливаются, и статуи
не счесть за нескончаемой толпой.
Да, всякой твари нужен водопой,
двуногой и бесхвостой ли, хвостатой...
Верблюду даже тоже надо есть.

И вот он я, нежданной тени рад,
горящий взор, неровная щетина,
свинец усталых плеч под рюкзаком,
нарушив свой неписанный закон,
присел на Ларго Торре Арджентина,
на первой из пустующих веранд.

День близился к закату. Пестрый шквал
туристских толп редел. И я, скиталец,
тупым ножом пытался резать стейк.
Покойный бык был, видимо, из тех,
что помнят Муссолини... И китаец
напротив мне приветливо кивал

из сувенирной лавки. Вечный зов
авантюриста подавляет голод.
Так, чаевые искренне зажав
(к такому мясу – не точить ножа?),
но не зажав скабрязного глагола,
спустя минуту и без тормозов

я торговался с лавочником, как
видавший виды тертый левантиец,
за всякую поделочную чушь.
Я сувенирным лихорадкам чужд,
но, как всегда, коллеги спохватились —
тому магнит, другому ангелка...

Шел разговор неспешно. На глазах,
как первый снег, подтаивали цены.
Был вскоре найден некий компромисс.
Я рассчитался с молчаливой мисс,
кассиршей и свидетельницей сцены,
и, бросив спору на спину рюкзак,

пробормотав, мол, thanks, it was good deal,
пошел по людной улице, витая

в прекрасной чуши римской суеты,
где столько икр и грудей литых...
Но сын континентального Китая
никак из головы не выходил.

По всем законам самых пошлых пьес,
уже почти дойдя до сердца гетто,
я, говоря на сленге, доволлок,
что весь наш с этим парнем диалог
прошел на итальянском... С края света
товарищ, а вот sì же вместо уес...

И, пробурчав в сердцах: «Япона мать!»,
я тут же вспомнил об одном народе,
который братским мнил себя века
другому... Но в вопросах языка,
хоть и смышленный, и незлобный вроде,
отказывался напрочь понимать...

Что ж, братство проверяется в бою.
Все ясно на Днепре, на Селигере,
все правы, святы, истовы и злы,
и предпочли мечом рубить узлы...
Китаец знает мову Алигьери,
а в драке знать не надо и свою...

Из итальянского этюдника. Викколо Спада Д'Орландо

Ротонда жарким летом горяча,
и, как ни будь величественно-гулким
творение патрона Антиноя,
по улочке Роландова меча,
что трудно величать и переулком,
бежишь от впечатлений и от зноя,
довольно вяло ноги волоча.

О тень! Благословенна будь в веках,
прославлена во землях и языцах...
Но даже тень тут факелом познания
горит в умелых, знающих руках.
Ведь прямо здесь и предпочел вонзиться
Роландов меч, честь галльская и знамя,
дабы врагов оставить в дураках,

в скалу, чей мрамор или травертин
похож собой на скальную породу,
как сонм эзотерических легенд
похож на правду... Мы же освятим
любую щель, всему напишем оду,
поскольку всякий ушлый инсургент
герой, и вклад его необратим

в иную историческую даль...
Но в Риме долго не стоишь на месте,
пусть даже очень интересен вид.
Тем более, что больше Дюрандаль
не значится нигде. Ни славной мести,
ни эпоса побед. И удивит —
да, нам позубоскалить только дай —
что меч назвали именем девицы,
хотя в наш век сему нельзя дивиться,

и, сколь словесных молний ни мечи,
но... Притупились галльские мечи.

Из итальянского этюдника. Кампо деи Фиори

Август в городе Августа. Полдень исчерпан до дна.
Удлиняются тени, и Тибр лениво донельзя
зеленеет под старым мостом. Выпить, что ли, вина
у глазастой Лючии в проулке за пьядцей Фарнезе...
Что осталось потомкам? Не войны, интриги и яд.
Пантеоном творцов стал большой человеческий улей.
И столетние пинии, им салютуя, стоят,
будто преторианцы в безмолвном своем карауле.
На притихшую площадь глядишь, как в оконный проем,
где пейзаж вековой проступает на камне нагретом.
Ты за столиком с городом Вечным вдвоем...
Телевизор молчит. И спасибо Лючии на этом.
Это город бывалый, он к разному люду привык,
и поэтому зря на потеху толпе многоликой
поражает гарсона безумством своих чаевых
представитель страны, коя, тщась показаться великой,
непременно в остатке окажется просто большой...
Но, как малый в «Кавалли», не кается и не стыдится.
Сколь ни пробуй сравнить фетуччини с лапшой,
пропасть разницы где-то в разделе традиций...
...Август в городе Августа. Полная чаша луны,
флорентийская гостья, нежданный шедевр Брунеллески...
Время – это прямая невообразимой длины.
В целом, нам повезло оказаться на этом отрезке.

Из итальянского этюдника. Трастевере

В Трасте'вере тихо, и грохот трамвайных колес
едва ли способен идиллию эту нарушить.
В Трастевере полдень, он требует latte и грез,
и синего неба... Ничто не травмирует уши,
и даже торговец-индус, предлагая нехитрый свой скарб,
невольно снижает дискант в доверительный шепот.
И ты, чье второе, а часом и первое имя Тоска»,
не можешь сдержаться, и вслух говоришь: «Хорошо как...»
В Трастевере нет резких линий, здесь все акварель,
здесь строили проще, любили, и пили, и ели,
ничуть не заботясь, какой нынче век на дворе,
Нерон ли на троне, Витторио ль Эммануэле...
Здесь все, кто бежит, переходят на медленный шаг,
и девушка в чем-то воздушном у церкви старинной
чертовски, бесовски, дьявольски так хороша...
Но, черт... Ни тебе Рафаэлем, ни ей Форнариной
не стать. И ты просто идешь, обменявшись улыбками с ней,
шагаешь по тысячелетнему хитросплетенью
эпох и времен, переулков, легенд и теней,
и чувствуешь, как постепенно становишься тенью.

Из итальянского этюдника. Виа Аппиа Нуова

Часы и дни иначе здесь бегут,
текстурой вечности придержаны понеже.
О, время в Риме добрый Робин Гуд...
Рассвет прозрачен и неспешно-нежен,
неровен абрис далей законных,
и фестиваль герани на балконах
скорей украсит, чем испортит вид.
И Рим сегодня снова удивит,
куда бы ни направил ты стопы —
в водовороте ль уличной толпы,
бродя ли анфиладами музея —
ты дышишь этим городом, глаза,
читая, споря, искренне дивясь,
ища и обнаруживая связь
эпох, времен, ремесел и наречий,
ты просто пьян от каждой новой встречи,
теряешь дар и речи, и письма,
и без того посредственных весьма...
Ты сам себе и парус, и кормило,
твое окно на Фурио Камилло
глядит на сердце города, где дуче
в припадках исторической падучей,
не стоя даже должности легата,
пытался, стоя на плечах гигантов,
повелевать и строить, рушить, крыть...
Судьба пигмеям сообщает прыть
играть богов, взбираться на котурны,
пусть жалки роли их, карикатурны,
под непосильной тяжестью венца
пигмей играет бога до конца.
Через десятки или сотни лет
пески забвенья не заносят след,
подвержены неписаным законам...
...Кресты и крыши, парков островки,
герань веселой бурей по балконам,
и город, не забывший ни строки.

Urbi et orbi

Может быть, это конец времен. Или же

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.